

Что и почему нам следует знать о Центральной Азии *

Marlène Laruelle, Sébastien Peyrouse. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. Columbia Univ. Press, 2012. 271 p.

Alexander Cooley. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford Univ. Press, 2012. 252 p.

Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia / A Report by Shahrbano Tadjbakhsh. Peace Research Institute Oslo: PRIO Paper, 2012. 62 p., available at www.prio.no

Philip Shishkin. Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia. Yale Univ. Press, 2013. 316 p.

China's Central Asian Problem / A Report by the International Crisis Group // Asia Report. No 244. 2013. Febr. 27. 35 p., available at www.crisisgroup.org

Морозной ночью 12 декабря 1991 года я стоял на обледенелом асфальте аэропорта под Ашхабадом, столицей бывшей Туркменской Советской Социалистической Республики — в самом сердце Центральной Азии, наблюдая, как здесь собирались пять бывших руководителей коммунистических партий, а в будущем президентов республик Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Почетный караул, военный оркестр, танцующие девушки с замерзшими цветами в руках выполняли сложные построения, дрожа от холода всё то время, пока приземлялись самолеты высоких гостей, сходявших по трапам на летное поле в шубах и шапках.*

Это был важный момент мировой истории. Четыре дня назад президент России Борис

Ельцин и руководители Украины и Беларуси подписали договор о роспуске Советского Союза. Пять центральноазиатских республик неожиданно-негаданно стали независимыми, но при этом никто даже не подумал предварительно посоветоваться с их главами. Испытывая злость, досаду, страх, чувствуя себя брошенными «Россией-матушкой» и с ужасом думая о последствиях, они просидели всю ночь, обсуждая свое будущее.

Странно было видеть наследников великих завоевателей — Чингисхана, Тамерлана и Бабур — такими перепуганными. Они были привязаны к Москве тысячами нитей, от линий электропередач до автомобильных и железных дорог и телефонных сетей. Центральная Азия была превращена в обширную колонию, производящую сырье — хлопок, пшеницу, металлы, нефть и газ — для советской индустриальной машины в западной части России. Они смертельно боялись экономического и социального коллапса — ведь Ельцин попросту вышвырнул их из империи. В ту ночь заместитель министра иностранных дел Туркменистана сказал мне:

* Некоторые данные для этой обзорной статьи взяты из двух моих книг о Центральной Азии, см.: *Rashid A.* The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism? Zed, 1994; *Idem.* Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia. Yale Univ. Press, 2002; Penguin, 2003.

«Мы не празднуем, мы оплакиваем нашу независимость».

На следующее утро пять лидеров заявили, что все они присоединяются к вновь образованному и мало к чему обязывающему союзу, названному Содружеством Независимых Государств (СНГ). Ввиду сомнений относительно жизнеспособности государств Центральной Азии немалое число из 51 млн человек, проживавших в регионе и принадлежавших примерно к ста различным этническим группам, стали собираться в Россию. Еще никогда рождение новых государств не сопровождалось таким обилием сомнений, страхов и такой неуверенностью, ощущаемой самими освобождаемыми людьми.

Об этом важно помнить, глядя на Центральную Азию сегодня, двадцать два года спустя, и находясь в ожидании другого исторического события: вывода войск США и НАТО из Афганистана в 2014 году. Страны Центральной Азии выжили, несмотря на репрессии и отсутствие реформ во всех пяти государствах, гражданскую войну в Таджикистане и протесты, резню и экономический упадок в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Но относительно преуспели только энергопроизводящие государства — Казахстан и Туркменистан. Согласно *World Factbook* ЦРУ, ВВП на душу населения в Казахстане в настоящее время составляет 13 900 дол., а в Туркменистане — 8 500 дол., и их совместная доля достигает двух третей от суммарного ВВП стран Центральной Азии. В противоположность этому в Таджикистане и Кыргызстане ВВП на душу населения составляет чуть более 2 000 долларов.

После 11 сентября 2001-го крупные державы — Россия, Китай и США — вновь стали проявлять интерес к этому региону по той простой причине, что он граничит с Афганистаном. И руководители стран Центральной Азии играют на противоречиях между великими державами, ведя хитроумную и беззащитную игру

с целью извлечь максимальную выгоду в виде кредитов, инвестиций, оружия и платы за аренду военных баз на своей территории.

Как и в 1991 году, сейчас для Центральной Азии наступил переломный момент, и ее серьезно беспокоит, что же будет дальше. Одержат ли талибы вновь победу в Афганистане, после чего в страны Центральной Азии будет открыт путь исламистским группировкам, тесно связанным с «Аль-Каидой» и наращивающим свои силы на базах в Пакистане? Прокатятся ли по региону популистские революции, похожие на «арабскую весну»? В Кыргызстане это случилось уже дважды — в марте 2005-го и апреле 2010 года, и результатом стало свержение двух президентов.

Станут ли эти слабые государства, нуждающиеся в экономических ресурсах, заложниками Китая или России? Поможет ли им преодолеть нестабильность самый крупный региональный союз — направляемая Китаем Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), членами которой являются все эти страны, или же этот альянс по-прежнему будет уклоняться от серьезных реформ?

Китай и Центральная Азия

Ни одна из рассматриваемых здесь работ не дает исчерпывающих ответов на эти вопросы, однако наиболее полный анализ представлен в книге Александра Кули «Большие игры, местные правила: Новое противостояние великих держав в Центральной Азии». Все авторы едины в том, что в Центральной Азии наблюдается беспрецедентный рост влияния Китая. Марлен Ларюэль и Себастьян Пейруз, ученые из Университета Джорджа Вашингтона (округ Колумбия), в работе «Китайский вопрос в Центральной Азии: Государственное устройство, социальные изменения и китайский фактор» показывают, что Китай уже является доминирующей экономической силой в регионе.

Начиная с 1991-го Китай решает жизненно важную стратегическую задачу — добиться, чтобы уйгуры (самая крупная в Китае мусульманская этническая группа), проживающие в западной провинции Синьцзян, даже не помышляли о своей независимости, а переселившиеся в Центральную Азию сотни тысяч уйгуров не подстрекали их к этому. В 1950-е годы множество уйгуров бежало от маоистского режима, и убежище они нашли в советской Центральной Азии, где к ним относятся довольно хорошо.

После 1991-го Китай оказал огромное давление на три центральноазиатские страны, граничащие с провинцией Синьцзян, — Казахстан, Таджикистан и Киргизию, вынудив их жестко ограничить политическую деятельность проживающих там уйгуров. Взамен Китай подсластил пилюлю, урегулировав пограничные споры, на протяжении десятилетий отравлявших китайско-советские отношения в Центральной Азии. За десять лет была проведена демаркация границ между Китаем и государствами Центральной Азии, и проблема была решена, что позволило Китаю тотчас же начать стремительное экономическое проникновение в регион.

Тем не менее уйгурский национализм и идеология исламского радикализма в Синьцзяне продолжают укрепляться, в то время как Китай наводняет эту провинцию китайцами-хань и проводит жесткие репрессии против мусульман. Поскольку уйгуров Центральной Азии заставили по большей части замолчать, некоторые из них, пройдя соответствующее обучение, воюют рука об руку с талибами в Пакистане и Афганистане.

За последние десять лет Китай вложил в Центральную Азию значительные средства. Ларюэль и Пейруз пишут в связи с этим: «Менее чем за десять лет Китай сделался одним из трех крупнейших торговых партнеров каждого из государств Центральной Азии. Он контролирует четверть добываемой

в Казахстане нефти, построил трубопровод, идущий от Каспийского моря в Синьцзян, стал для Туркменистана предпочтительным импортером его газа, установил квазиэкономический протекторат над Кыргызстаном, который выживает в основном за счет реэкспорта китайских товаров, а Таджикистан играет для него роль “ворот” в Афганистан, к которым он имеет привилегированный доступ».

Мне кажется, что выводы этих двух авторов чрезвычайно важны в рамках любого серьезного обсуждения будущей геополитической роли Китая в Азии. Цифры внешнеторгового оборота этих стран указывают на заметный рост китайских инвестиций. Если в 2002-м объем торговли Китая со странами Центральной Азии не превышал 1 млрд дол., то в 2006-м он достиг 10 млрд, а к 2010 году составил уже 28 млрд долларов. Для сравнения: объем торговли России со странами Центральной Азии в 2010-м составил всего 15 млрд долларов. Очевидно, что Китай ослабляет экономические узы, которые традиционно связывали Центральную Азию с Россией.

Кроме того, Пекин нарушил монополию России на вывоз казахстанской нефти и туркменского природного газа. Сейчас два проложенных Китаем трубопровода (один берет начало в Атырау, на казахстанском побережье Каспийского моря, другой в Туркменистане) перекачивают соответственно нефть и газ через всю Центральную Азию в Синьцзян, где строятся новые трубопроводы, доставляющие углеводороды в промышленные районы Китая вплоть до побережья Тихого океана. Газовый трубопровод вскоре уже сможет поглощать дополнительные объемы газа, добытого в Узбекистане, Казахстане и в перспективе — в Афганистане. Кули в одном из интервью упомянул «все более громкий всасывающий звук, доносящийся с Востока». Эти поставки энергоносителей

из Центральной Азии обеспечивают Китаю высочайший уровень безопасности, поскольку снижают его зависимость от импорта энергоносителей, перевозимых морским путем, который США могут попытаться ограничить.

Несмотря на всё это, в Центральной Азии, как и повсюду в третьем мире, к Китаю относятся довольно враждебно, поскольку он жестоко эксплуатирует регион, мало что предлагая взамен. Так, китайские компании привозят своих рабочих и свое оборудование, не принимают на работу местных жителей и не обучают их нужным специальностям, отказываются закупать местные товары и продукты. Часто приходится слышать и конспирологические рассказы о том, что Китай скупает в Центральной Азии сельскохозяйственные земли или заселяет их миллионами своих крестьян. Народы Центральной Азии опасаются китайского влияния, даже когда их лидеры раскрывают свои объятия Китаю, который не задает вопросов об отсутствии демократии и соблюдения прав человека или о нежелании проводить экономические реформы (в этом плане Запад считается слишком навязчивым).

В недавнем докладе Международной кризисной группы «Центральноазиатская проблема Китая» читаем: «Китайская практика ведения бизнеса вызывает негативные чувства в регионе, где настороженность по отношению к Китаю... и так велика... Китай видит определенное родство между авторитарными режимами в Центральной Азии и у себя дома и, по крайней мере на публике, защищает их, используя одну и ту же риторику». В этом докладе говорится, что нынешняя торговая и инвестиционная практика Китая в Центральной Азии не может длиться вечно, если Китай не будет демонстрировать большую заботу об улучшении жизни местного населения. Однако Китай, кажется, теперь начинает воспроизводить ту же политику в Афганистане, с которым у него общая пятиде-

сятимильная граница в Ваханском коридоре. В течение последнего десятилетия он отказывался предоставлять афганцам сколько-нибудь серьезную помощь, будь то в сфере обеспечения безопасности или развития инфраструктуры. За последние двенадцать лет он оказал Афганистану экономическую помощь всего на сумму 2 млрд дол. — меньше, чем предоставила гораздо менее богатая Индия в рамках многих гораздо более впечатляющих проектов.

Китай заключает с Афганистаном контракты на добычу полезных ископаемых по мере того, как они становятся доступными. Он вложил 3,5 млрд дол. в медные разработки Айнак неподалеку от Кабула и сделал предложения по нескольким нефтяным месторождениям на севере Афганистана. Нет сомнений в том, что открытие доступа на международные рынки минеральным богатствам Афганистана позволит отчаянно нуждающемуся в средствах Кабулу получать неплохие доходы и в долгосрочной перспективе поможет стабилизировать ситуацию в Афганистане, однако сначала нужно дождаться окончания войны, и только тогда можно будет начать разработку полезных ископаемых. Китай проявляет терпение и, видимо, готов ждать окончания гражданской войны, которая может продолжиться и после 2014 года. Но пока нет никаких гарантий того, что он начнет предоставлять афганцам работу, налаживать здесь профессиональное обучение и, так сказать, вкладывать средства в афганский народ и его экономическое будущее.

Пекин вовлек страны Центральной Азии в Шанхайскую организацию сотрудничества, которую и Китай, и эти страны считают наиболее адекватной многонациональной организацией. Созданная в 1996-м как «Шанхайская пятерка», в настоящее время ШОС объединяет четыре государства Центральной Азии, Россию и Китай; Туркменистан придерживается нейтраль-

тета и не входит в ШОС, тогда как южные соседи, такие как Иран, Пакистан и Индия, напротив, стремятся стать ее полноправными членами. Многим западным аналитикам ШОС представляется организацией, существующей только «на бумаге», которая не в состоянии предпринять совместные военные действия против террористов или действительно объединить центральноазиатских лидеров, печально известных своим нежеланием сотрудничать друг с другом.

И всё же своих главных целей Китай достиг. ШОС под его влиянием успешно «похоронила» уйгурскую проблему под лозунгом борьбы с тремя силами зла — «терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (в трактовке Китая этот лозунг больше применим к уйгурам, нежели к «Аль-Каиде»). Китай обладает огромным влиянием на режимы в Центральной Азии, которые предоставляют ему транспортные пути и торговый доступ в Россию, Турцию и на Кавказ.

Возьмет ли на себя Пекин в ближайшие годы ответственность за Центральную Азию и Афганистан, использует ли он свои дипломатические возможности для мирного урегулирования ситуации в регионе, поможет ли создать инфраструктуру и поддержит ли проведение экономических реформ в беднейших странах Центральной Азии, в которых он пользуется наибольшим влиянием? Или же Китай останется алчной страной, выкачивающей минеральные ресурсы, избегающей всякой политической ответственности в Центральной Азии и охотно предоставляющей другим разбираться с хаосом, царящим в Афганистане?

До сих пор китайцы отказывались принимать участие в миротворческих инициативах по Афганистану или в переговорах с талибами, а это именно то, чему они могли бы содействовать. Китай пользуется огромным влиянием в Пакистане, где находится руководство талибов. При этом он не позволил

ШОС согласиться на участие в региональном урегулировании после 2014 года, когда американские войска покинут Афганистан. Только Китай имеет достаточную экономическую мощь и политический авторитет для установления мира в Афганистане, а также ресурсы, чтобы заполнить грядущий вакуум власти, но вопрос в том, захочет ли он взять на себя такую ответственность.

Россия и США в Центральной Азии

США проводили и проводят в Центральной Азии не менее близорукую политику, чем Китай. Александр Кули из Колумбийского университета и Шарбану Таджбахш (иранка по происхождению) из Института политических исследований в Париже известны как ведущие специалисты по Центральной Азии. Они и на этот раз не разочаровали. Книга Кули представляет собой очень доходчивый и хорошо написанный обзор американской политики в Центральной Азии за последние десять лет. И он, и Таджбахш, которая пишет для Норвежского научно-исследовательского центра, едины в том, что у США отсутствует стратегический подход к Центральной Азии.

Вместо этого, начиная с 2001 года три американские администрации, включая нынешнюю, уделяли первостепенное внимание вопросам военного сотрудничества с государствами Центральной Азии в целях содействия Соединенным Штатам и НАТО в решении их задач в Афганистане. А это автоматически приводит к тому, что центральноазиатские лидеры игнорируют и отклоняют требования США относительно политической либерализации, уважения прав человека и проведения экономических реформ. Центральная Азия является еще одним примером того, насколько милитаризованной стала после 2001-го американская внешняя политика.

В своей книге «Большие игры, местные правила» Кули идет еще дальше, показы-

вая, как Центральное командование США (*CENTCOM*) часто сводило на нет усилия государственного департамента и других ведомств американского правительства тем, что продолжало передавать деньги и покровительствовать руководителям стран Центральной Азии и их вездесущим спецслужбам, хотя официальная линия США состояла в том, чтобы сократить такого рода помощь. Особенно зримо это проявилось в случае с президентом Узбекистана Исламом Каримовым, который приказал войскам открыть огонь по демонстрантам в Андижане в Ферганской долине в 2005-м, когда погибло не менее восьмисот человек. Командование *CENTCOM* продолжало финансировать узбекских военных несмотря на то, что отношения государственного департамента США с Каримовым стали намного прохладнее. «Обязательства центральноазиатских правительств по защите политических прав и прав человека... порваны в ключья во имя борьбы с терроризмом», — пишет Кули.

Главная задача США и НАТО состояла в том, чтобы сохранить базы в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, поэтому они мирились с коррупцией и даже способствовали ее широкому распространению среди правящих элит. Согласно Кули, после 2008 года потребовались существенные денежные выплаты, чтобы получить согласие элит Центральной Азии на создание Северной распределительной сети (СРС) — сети автомобильных и железных дорог, проходящей через сухопутные евразийские страны и обеспечивающей снабжение коалиции сил Запада в Афганистане. СРС явилась альтернативой пакистанскому маршруту. Кули пишет: «Такое впечатление, что необходимым условием поддержания операций США в Афганистане является толерантное отношение к коррупции и даже активное содействие ей, а также к злоупотреблению властью в Центральной Азии». Теперь, когда

США должны начать вывод войск и техники из Афганистана, усиливается их зависимость от СРС, благодаря чему государства Центральной Азии, несомненно, извлекут большие дивиденды.

С 2011-го США пытаются разработать для региона Центральной Азии более широкую концепцию, которую они называют «Стратегией Шелкового пути». Эта стратегия предусматривает реализацию крупномасштабных инфраструктурных проектов, способных объединить регион. Среди этих проектов — долгожданный газопровод из Туркменистана в Пакистан через южный Афганистан, национальная железнодорожная сеть в Афганистане, передача электроэнергии из Кыргызстана в Афганистан и Пакистан. Однако приступить к осуществлению такой стратегии вряд ли удастся в ближайшее время. Ведь это зависит от заключения мира с талибами и от всеобъемлющего регионального урегулирования отношений со всеми прямыми соседями Афганистана — Китаем, Ираном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, а также с крупными странами вокруг Афганистана — Индией, Россией и Саудовской Аравией. А всё это выглядит маловероятным.

Россия проводит противоречивую политику в отношении Центральной Азии и Афганистана. Она помогла США создать военные базы в Центральной Азии, но затем пыталась давить на эти государства с целью расторгнуть соглашения о базах. Россия хочет, чтобы США ушли из Афганистана и твердо настаивает на том, чтобы силы НАТО не оставались здесь после 2014 года. Но в то же время она, выражая тревогу по поводу афганского наркотрафика и усиления влияния талибов, в мягкой форме просит США не уходить полностью из региона. Россия подвергает суровой критике государства Центральной Азии, в частности, Узбекистан,

за слишком тесное сближение с США, но в то же время поощряет поддержку ими сети СРС и других объектов, необходимых США. Двадцать лет назад в Центральной Азии не могли и подумать о посягательстве на интересы России, но сегодня страны Центральной Азии регулярно пренебрегают ее мнением и эксплуатируют ее, отдавая предпочтение США и Китаю.

Царство диктаторов

В большинстве государств Центральной Азии (исключение составляет сравнительно небольшой Кыргызстан) сохраняются диктаторские режимы. За двадцать лет своей независимости они, в отличие от некоторых других бывших советских республик, так и не приступили к политическим и экономическим реформам. Из-за распрей и жесткой конкуренции между их лидерами межгосударственное сотрудничество практически находится на нулевой отметке, что породило крупномасштабные проблемы. Морозной декабрьской ночью 1991 года руководители этих стран договорились создать экономический союз, чтобы выжить, но ничего из этого так и не получилось. Сотрудничество отсутствует даже по таким исключительно важным вопросам, как распределение водных ресурсов, производство и распределение электроэнергии, борьба с наркотрафиком и террористической угрозой, исходящей из Афганистана.

В докладе «Центральная Азия и Афганистан» Шарбану Таджбахш показывает, что у каждого из государств Центральной Азии имеется свой, отличный от других, взгляд на будущее Афганистана. Однако ни одно из них не готово смягчить свои притязания на ресурсы во благо всего региона. Автор утверждает, что соперничество лидеров центральноазиатских государств подогревается обострившимся геополитическим соперничеством между Китаем, Россией и США,

но это не совсем так. Внутрорегиональная политическая конкуренция на протяжении двух последних десятилетий нарастала по мере того, как каждый из здешних режимов становился все более и более коррумпированным, жадным до власти и узколобым, хороня всякую надежду на перемены. В докладе Международной кризисной группы говорится: «С каждым годом некоторые обширные области Центральной Азии выглядят все менее безопасными и стабильными. Коррупция здесь становится повальной, криминализация политического истеблишмента усугубляется, сфера социальных услуг резко сужается, а силы безопасности слабеют».

Теперь некоторые лидеры хотят, чтобы их на занимаемых ими постах сменили родственники.

В Узбекистане Ислам Каримов и в Казахстане Нурсултан Назарбаев находятся у власти по двадцать три года. Согласно данным правозащитных организаций, Каримов многие годы держит в тюрьме примерно десять тысяч политзаключенных, хорошо известно о применении пыток, например, людей сажают в воду, доводя ее постепенно до кипения. Первый президент Туркменистана Сапармурат Ниязов, скончавшийся в 2006-м, в последние годы своей жизни был одержим манией величия, а на его личных банковских счетах, по оценкам, хранилось два миллиарда долларов, вырученных за продажу туркменского газа. По некоторым данным, правящая элита Таджикистана обязана своим пребыванием у власти среди прочего своему участию в наркотрафике из Афганистана.

Наиболее вероятный и опасный политический кризис может разразиться в результате внутренней борьбы за посты лидеров двух самых могущественных государств Центральной Азии — Узбекистана и Казахстана. Оба президента в возрасте — Каримову семьдесят пять лет, Назарбаеву семьдесят три — и к тому же слабы здоровьем,

и совершенно непонятно, кто придет им на смену. Как о возможной преемнице говорят о влиятельной, властолюбивой и в то же время гламурной дочери Каримова Гюльнаре, которой сорок один год, хотя многие влиятельные узбеки выступают против нее. В Узбекистане ширится недовольство из-за роста цен на продовольствие, безработицы, ухудшения ситуации в сфере образовательных и медицинских услуг и широко распространенной коррупции.

В Казахстане Динаре Назарбаевой-Кулибаевой, одной из трех дочерей президента, сорок пять лет. Она замужем за Тимуром Кулибаевым, бизнесменом-миллиардером, нынешним главой *KazEnergy*, который является фаворитом президента и может стать его преемником. Любая стычка между конкурирующими группировками за наследование власти может обернуться кровью, так как по одну сторону баррикад идет мобилизация органов государственной безопасности, а по другую — сил кланов.

В книге Филиппа Шишкина «Беспокойная долина: революция, убийства и интриги в сердце Центральной Азии» регион предстает во всей своей сложности и неоднородности, как переплетение страшного и причудливого, порочного и возвышенного. Он пишет в первую очередь об Узбекистане и Кыргызстане, находящихся на разных концах политического спектра. Небольшой по центральноазиатским меркам Кыргызстан с населением в 5,5 млн человек, обитающих в одной из самых высоких горных систем мира, не имеет иных средств к существованию, кроме отгонного овцеводства и доходов от единственного золотого прииска. Эти люди упорно пытались построить демократическое государство и ради этого свергли двух своих президентов. Результатом стали, как и следовало ожидать, еще большие нищета и хаос.

Шишкин, американский журналист русско-го происхождения, описывает эти события

в далеком уголке мира захватывающей дух поэтической прозой. К сожалению, он не склонен углубляться в историю, а это очень важно для понимания данного региона, и мало внимания уделяет исламу, который, несмотря на семьдесят лет советского атеизма, играет ключевую роль для народов Центральной Азии. Вместо этого он упорно выискивает и рассказывает истории как о самых коррумпированных и влиятельных персонажах, так и о чистосердечных и достойных восхищения людях, населяющих эти горы. Особенно впечатляет глава, в которой описывается массовое убийство людей в узбекском городе Андижане в 2005 году — автор был одним из немногих западных журналистов, находившихся в Узбекистане в то время, правда, ему не разрешили приехать в город, пока оттуда не были вывезены груды трупов.

Шарбану Таджбахш пишет, что в странах Центральной Азии «понимают, что ситуация в Афганистане остается очень нестабильной и что возможно возобновление конфликта, который для этого региона будет означать приток беженцев, появление полевых командиров и незаконный оборот наркотиков».

Число сторонников Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Союза исламского джихада увеличилось, а их идеология за годы изгнания стала еще более радикальной. В 2000-м ИДУ представляло серьезную угрозу для Кыргызстана и Таджикистана. Впоследствии эти движения присоединились к «Аль-Каиде» и Талибану, а их лидеры в настоящее время (после двенадцатилетнего пребывания в племенных районах Пакистана) пытаются вернуться в Центральную Азию через Афганистан. Только в этом году спецназ США и НАТО провел на севере Афганистана двенадцать операций против ячеек ИДУ, причем четыре из них находились в провинции Кундуз, граничащей с Таджикистаном. По меньшей мере два руководителя ячеек были захвачены.

В настоящее время контингент ИДУ — это представители различных тюркских национальностей, начиная от туркменов и уйгуров и до этнических турок и даже турецких мигрантов, родившихся в Германии. ИДУ принимает в свои ряды и представителей нетюркских групп, таких как чеченцы, таджики, пакистанцы и кашмирцы. Более того, ИДУ имеет тесные связи с мощной пакистанской группировкой «Лашкар-э-Тайба».

Борьба государств Центральной Азии с экстремистскими группами была бы более успешной, если бы у них был общий подход к миротворческим усилиям в Афганистане, но его нет. Таджбахш пишет: «Отсутствие единого подхода к Афганистану отражает отсутствие внутрорегионального сотрудничества и совместной стратегии безопасности в рамках самого [региона]». У каждой из стран Центральной Азии своя стратегия.

По-видимому, этому региону предстоят бурные перемены, как из-за давления снизу, требующего реформ и демократизации, так и под влиянием политики, проводимой крупными региональными державами. США, может быть, не полностью, но все же покида-

ют этот регион, а Россию ожидает глубокий экономический и политический кризис, который ее руководители не хотят признавать, поэтому позиции Китая в Центральной Азии и Афганистане еще больше укрепятся. Но что реально сможет сделать Китай при всей его мощи в этом регионе (и сможет ли вообще), пока остается тайной.

Сэр Хэлфорд Маккиндер, основоположник геополитики, еще в XIX веке считал Центральную Азию «регионом, вокруг которого вращается мировая политика», и «хартлендом» («срединной землей»), поскольку, по его словам, «это наиболее мощная естественная крепость в мире». Он полагал, что тот, кто контролирует Центральную Азию, получает огромную власть. Однако до сих пор ни одна страна не контролирует этот регион, и после 2014 года борьба за влияние на него будет вестись по разным направлениям. Но так или иначе, если США и другие западные державы будут по-прежнему его игнорировать и пренебрегать тем, что здесь происходит, они подвергнут себя серьезной опасности. ■

АХМЕД РАШИД